

ФОТО ИЗ АРХИВА

Не умом, так любовью спасемся

Официально: 1998. - 22-28 января - с. 8.

О последних днях Алеся Адамовича рассказывает Ирина Ковалева

дпать лет, отпущенных им двоим, все ее дела, заботы, печали были о нем, вокруг него. Судьба наградила любовью, счастливой и мучительной. Мучительной оттого, что все последнее время знал: он может умереть в каждую следующую секунду. Он, так любящий жизнь!

«...Дым за зеленым от молодого жита холмом — это дым из трубы. Пустота вокруг, тишина, но не смерти, а жизни... Заяц! Нет ты, а серый, вдруг объявился передо мной, идущим, и думая, что нас нет (его врагов), занялся обследованием вкусных борозденек. Господи! Как все хорошо! Да уж лучше бы мы, такие разумные, и не объявлялись на этой планете, оставили бы ее тем, кто добрее и попросил. Но ведь тогда и тебя, тебя не было бы! Ну нет, заяц, погоди, не гони нас! Мы, может быть, не умом, так любовью спасемся...»

Магда АЛЕКСЕЕВА

Сны

Сны в жизни Алеся несомненно играли особую роль. «Сон — репетиция смерти», — не раз говорил он.

Когда он перенес тяжелейший инфаркт и едва-едва поправлялся, умер его единственный брат Женя. Алеся очень тяжело переживал потерю, не мог простить себе, что забываются о брате, не разрешил ему, тоже не так давно перенесшему инфаркт, приехать к нему в санаторий. Боясь, что сердце его не выдержит испытания похоронами, а ехала с ним до Минска, там Алеся встречали, а я первым же поездом вернулась в Москву, моля Бога о милосердии к нему.

Незадолго до сороковин (мы еще жили в санатории, в Домодедове, переехав туда из больницы в Кубинке) Алеся увидел Женю во сне и расплакался, проснувшись. Я сказала, сама волнуясь от при-

шедшей догадки: «Значит, он еще здесь, приходил прощаться...»

Однажды мы пошли с ним за три километра в ближайшую церковь. Была жара, в реке много народу, а у церкви на заросшем кладбище в тишине паслись овцы. Алеся вдруг сказал мне, что сегодня ночью ему снилась мама: «Она нас простила, она приняла тебя». И мы неожиданно обнялись, стоя среди поросших травой могил. Овцы перестали жевать и устали на нас, а я впервые за все месяцы его болезни не могла справиться с собой. Вот он и открыл мне свое тайное тайных; я почти физически ощутила, как тяжело давался Алеся его выбор и как нуждалась его ранимая справедливая душа в мамином прощении. Совсем как в далеком детстве в деревне Глуша. А был он очень сильным, никого не боящимся человеком.

Сны снились Алеся часто, и он призывал мою дочку Анну записывать их, считал, что из этого «может получиться преинтереснейшая книга». Он был уверен, что человеку не только открывается нечто в его снах, но и сам он, его внутренний мир более всего раскрывается в сновидениях. Недаром и своего «Дублера» Алеся писал именно в этом жанре — «Сны с открытыми глазами».

Размышляя над формой автобиографического романа «Viki» («Я прожил»), оказавшегося его последней работой, Алеся представлял себе главы-«соты», между которыми как пчелы летают, соединяя их, воспоминания, или сны о прошедшем, о дорогах ему людей. Этот прием, считал он, даст художественную возможность связывать, оценивать разные нравственные коллизии, позволит усложнить временное пространство романа.

«Сны — это настоящая литература, — заметил однажды Алеся. — Их «персонажи» вовсе

не рупоры наших идей, они независимы, автономны». И сослался на своего любимого Пушкина: «Помнишь, как он сказал про Татьяну, что та вон какую штуку отколола — замуж вышла! Не из этого ли свойства психики рождается истинная литература?»

А за несколько дней до роковой среды Алеся приснился Вячеслав Кондратьев...

Его смерть в сентябре 1993 года потрясла Алеся. Гражданская панихида должна была состояться в Малом зале Дома писателей. В этот день я забирала Алеся из госпиталя после операции, он был еще очень слаб, весь в бинтах, но не простился с Кондратьевым не мог.

Помню этот день 28 сентября, уже начиналось противостояние у Белого дома, на улицах агрессивные толпы сочувствующих коммунистам, льет бесконечный холодный дождь. Панихида началась с опозданием: катафалк с гробом застрял в автомобильных пробках...

И вот через несколько месяцев он увидел его во сне: «Стоит молча, улыбается своей стеснительной улыбкой, и зубы его крупные видны».

Наверное, Кондратьев приходил за Алесем.

«Смерти не боюсь»

Тема смерти, достойного завершения жизненного пути всегда присутствовала в его разговорах. Когда мы в 1988 году посмотрели в полупустом кинозале в Матвеевском «Легенду о Нарайяше», Алеся долго не мог успокоиться, рассуждая о том, как важно умереть красиво, как мучителен стыд смерти, нечистоплотность смерти. Он вспоминал о моральных страданиях своей мамы в ее последние больничные дни...

Тогда нам было еще далеко до его оказавшейся смертельной бо-

лезни. А когда угроза стала ежесекундной реальностью, он не испугался. «Жизнь загнала меня в ловушку, — говорил он. — Остается жить, сколько получится». И с горечью обозначил жанр своего последнего произведения: «Законченные главы незавершенной книги», сознавая, что завершить свой замысел, скорее всего, не успеет...

«Со смертью время не останавливается, наоборот — пронесешься через миллиарды лет, как через один миг. Тебя уже не будет, когда солнце погаснет, но ты был! И миллионы миллиардов лет не смогут отменить то, что ты был!» — вот так он воспринимал мир перед операцией.

Когда случилось самое страшное, и мне в Перedelкино позвонил Артем Анфиногенов, и я наконец добралась до здания Верховного суда, рядом с которым проработала почти двадцать лет и мимо которого теперь никогда не хожу, когда я наконец добежала и увидела его, неподвижного, я от отчаяния, что отпустила его одного впервые за два года болезни и теперь ничего не могу изменить, помочь, окаменела.

Никто не решился сказать мне тогда, что он говорил в свои последние минуты. А он, оказываясь, произнес: «Я смерти не боюсь. Я мог умереть пятнадцатилетним мальчишкой на войне. Оставшаяся жизнь была мне в подарок...»

Он действительно никогда не боялся смерти для себя, но боялся ее для всего человечества. Человечество стало смертным в XX веке — вот мысль, которая определила жизнь и творчество Алеся.

Боль счастья

В июле 1983 года ему удалось прочесть книгу, выпущенную у нас с грифом «Секретно». Это была книга «Судьба земли» американ-

ского журналиста Джонатана Шелла (потом, спустя несколько лет, он пришел к нам в дом познакомиться с Алесем, и мне не верилось, что этот мягкий, стеснительный человек мог написать такую страшную, так потрясшую Алеся книгу. Он даже не разрешил мне в нее заглянуть, говоря: «Это не для женских глаз»).

В книге Шелла подробно рассказывалось о трагедии Хиросимы, о влиянии радиации на природу и человеческий организм. Поэтому, когда грянул Чернобыль, Адамович был одним из очень немногих реально представлявших себе истинные масштабы произошедшего. Из 350 условных хиросимских бомб 300 упали на Белоруссию — вот чем обернулся для его родной земли чернобыльский взрыв. Ветер, который, как писали в газетах, «к счастью, дул не на Киев», дул в это время на Белоруссию и Брянщину.

Кто-то должен был пробить стену молчания. В мае Алеся приехал в Москву на международную конференцию ученых в защиту мира. Те удивлялись, слушая Алеся: разве и в Белоруссии что-то произошло? Он обрывал телефоны, звоня ученым, писателям, пытаясь достучаться до самого верха... Ему удалось передать письмо Горбачеву.

В годовщину Чернобыля закончил с собой академик Легасов. А незадолго до этого он познакомил Алеся с «графиком», который сам и составил, в нем он предсказывал последовательность взрывов на атомных станциях чернобыльского типа. Об этом Адамович и Гранин рассказали Горбачеву в 1988 году, и Горбачев распорядился создать комиссию для инспектирования АЭС. Выводы ее были сенсационны: предлагалось остановить одиннадцать реакторов! Остановили только один —

в Армении, на озере Севан. Но теперь и он работает...

В больницах Алеся очень много работал, этим и спасался. Главной его темой стала мысль о том, что жизнь — не только сложная, но и забываемая штука. Это абсолютно в его характере — сочетание мудрости философского предвидения с озорным, по-детски радостным восприятием мира.

Летом 1993 года Евгений Евтушенко, зайдя к нам на дачу, подарил свою новую книжку автобиографической прозы. Алеся, читая, изумлялся тому, как подробно он пишет о своих женах. Самому Алеся подобная откровенность была совсем не свойственной, при всей своей общительности он был закрытым человеком. И вдруг сам решился написать об этом! Так появилась «Единственная моя жизнь», где он вспоминает о своей первой любви.

...Новый, 1994 год (последний год!) мы встречали на государственной даче Филатовых. Алеся был весел, танцевал, играл на бильярде.

Как было хорошо, весело, никто и подумать не мог, что через две недели умрет мама Юры Карякина. Алеся относился к ней с большой любовью. Когда мы ехали на отпевание и он нес в руках цветы, его нечаянно толкнули и один цветок обломился...

Было Крещение, в церкви плакали дети, окунаемые в купель. После панихиды Алеся сказал: «Вот ты и стал взрослым, Юра».

А до 26 января оставалось только семь дней...

«Знаю одно: что бы ни было и как бы, но это самое последнее и главное, что есть, будет у меня, со мной! Боль счастья!»

Нести это, нести — вместе. И не расплескать под ноги, не затоптать. И не дать затоптать другим!»

«...Миленькая, маленькая, здравствуй! Отрезали меня от тебя, а тут еще с телефоном осложнилось, и я теперь как на необитаемом острове... Заячик мой пузлый, глазастенький, маленький! Голосок мой, слышимый всегда и везде! Пишу тебе, отогрелась-отоспавшись за ночь, а то вчера задубела, как земля декабрьская...»

Это — из писем к Ирине Ковалева со съемок фильма «Иди и смотри», который Элем Климов и Алеся Адамович снимали в белорусских лесах.

«Мы тут все продвигаемся к самому страшному, устремляясь к нему и пугаясь, живем в раздражении, но зажимая в себе, чтобы как-то пройти, чтобы осталось это позади — как страшная операция...»

Вот так он и жил всегда: надрывая сердце, смотрел в самое страшное, что уже стряслось над нами и может снова стрястись, если мы не опомнимся, не станем жить иначе. Огненные белорусские деревни, ленинград-